

Б И Б Л И О Т Е К А

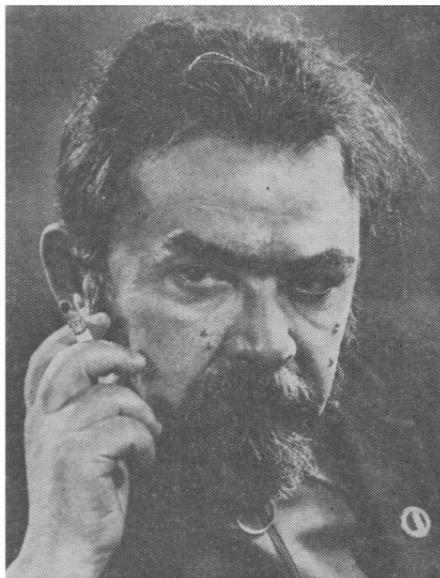
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 50

1986

Геворг ЭМИН

**«РУКА МОЯ УЙДЕТ,
А ПИСЬМЕНА ОСТАНУТСЯ...»**

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 50

Геворг ЭМИН

**«РУКА МОЯ УИДЕТ,
А ПИСЬМЕНА ОСТАНУТСЯ...»**

Перевод с армянского А. Гамбарян

Москва, Издательство «ПРАВДА».
1986

Геворг ЭМИН

Геворг Григорьевич Эмин родился в 1919 году в армянском селе Аштарак, в семье учителя. В 1927 году семья переехала в Ереван, где он в 1935 году окончил десятилетку, а в 1940 году — гидротехнический факультет Ереванского Политехнического института. Учебу в институте он совмещал с работой в Научно-исследовательском институте по изучению древних армянских рукописей (Матена-даране).

По окончании института Эмин работал помощником прораба на строительстве районной гидроэлектростанции в Варденисском районе Армении и в аштаракском Ушодоре.

В 1942—1944 годах Эмин служил в рядах Красной Армии. Затем работал в Союзе писателей Армении, собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Армении, главным редактором журнала «Литературная Армения», старшим научным сотрудником института литературы и искусства Академии наук Армянской ССР. В 1955—1956 годах окончил Высшие Литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Первая книга Эмина на армянском языке «Нахашави́г» («Пред-путье») вышла в 1940 году.

В последующие годы его книги стихов, прозы и эссе были изданы на армянском и русском языках, на языках народов Советского Союза, стран социализма, в США, Сирии и др.

Основные издания Эмина на русском языке: «Новая дорога» (1950), «Перед часами» (1962), «Стихи» (1963), «Семь песен об Армении» (1970), «В этом возрасте» (1972), «Век. Земля. Любовь» (1976), «Избранное в двух томах» (1979) и др.

В 1951 году за книгу «Новая дорога» и в 1976 году за книгу «Век. Земля. Любовь» Эмин удостоен Государственной премии СССР, а в 1978 году — республиканской премии имени Чаренца за переводческую деятельность. Настоящая книга представляет эссе Геворга Эмина о древней и новой армянской поэзии.

Терзаемый в течение веков войнами и невзгодами народ наш вряд ли выстоял бы и дошел до сегодняшнего дня, если бы наряду с мечом не обладал другим, самым могущественным оружием — письменностью.

Там, где меч оказывался бессильным, побеждали письма — уничтожая врагов, пронося сквозь века к грядущим поколениям чаяния народа, его надежду и веру.

Несмотря на неисчислимые бедствия, чудом уцелело и дошло до нас свыше двадцати пяти тысяч армянских рукописей, которые дают ключ к раскрытию тайны стойкости и долгоденствия моего народа, и являются, как мудро определил Валерий Брюсов, его «патентом на благородство».

В этих рукописях содержатся редкие, бесценные сведения не только об Армении, но и об истории и культуре почти всех народов и стран старого и нового мира. Ведь в Армении, одной из древнейших колыбелей человечества и его культуры, скрещивались пути и судьбы многих народов.

Очевидно, это и имел в виду Илья Эренбург, говоря о том, что Армения принадлежит к числу стран, которые для каждого мыслящего человека являются источником не только глубокого эстетического наслаждения, но и серьезных раздумий о вековых корнях и судьбе искусства; что это одна из тех стран, при виде которых хочешь не только склонить голову, но и вступить в них, как это принято в восточных святынях, сняв обувь. Больше половины дошедших до нашего времени книг собрано в хранилище древних армянских рукописей — Матенадаране, а остальная часть, подобно нашему народу, рассеяна по всему свету и осела в Венеции и Вене, Иерусалиме и Новой Джуге, Калькутте и Змаре, Париже и Лондоне, в Москве, Ленинграде, Тбилиси и других местах.

Войдя в зал, где хранятся рукописи, ощущаешь молчание веков, молчание, которое красноречивее любых слов.

Если бы рукописи вдруг нарушили это молчание, то несколько таинственные залы хранилища наполнили бы звуки молитв, песен пастуха и пахаря, печальный звон колоколов, вопли изгнанников, скрежет оружия, топот всадников, стенания армянских матерей и воинственные клики завоевателей...

Но все это замерло, застыло, окаменело в старинных фолиантах.

В этих залах сконцентрирована вся история нашего народа — начиная от набегов гиксосов-гайксосов на Египет до трагических событий 1915 года...

Каждый народ, каждый человек имеет свою особую и неповторимую биографию. Свою неповторимую биографию имеет и каждая рукопись в этом зале. Роднит их, связывает неразрывно лишь одно: каждая хранит в себе частицу истории создавшего их народа. На каждой рукописи — видимые или невидимые следы той крови, которую проливали армяне в борьбе за свободу, сопротивляясь порабощению, гнету, уничтожению. Здесь можно найти все, начиная от отрывков языческих легенд до памятных записей очевидцев трагедии 1915—1920 годов. Самые разнообразные рукописи хранятся здесь — от книг философов и историков V века до переводов научных трактатов Аристотеля, Платона, Зенона, от астрономических и математических книг Аниани Ширакаци до «Утешения в лихорадке» врача Мхитара Гераци, от «Книги скорбных песнопений» поэта Григора Нарекаци (X век) до рукописной книги гусана Саят-Нова.

Многообразны они по виду и размеру: вот Евангелие в переплете слоной кости (работа V века), вот многопудовые «Избранные речи» из города Муш, вот и размером со спичечный коробок девятнадцатиграммовый календарь, который можно прочесть только через лупу. Есть здесь роскошные, но не представляющие для науки особого интереса церковные канонические книги, и есть невзрачные в виду, но воистину бесценные сборники песен и философских трудов. Пожалуй, нет такой отрасли знания, которая не была бы отражена в рукописях Матенадарана. Здесь представлены все верования и ереси, философия, математика, история, медицина, поэзия и проза, ботаника, зоология, петрография, анатомия, астрономия, химия и алхимия, геология и музыка, живопись и воздухоплавание. Здесь есть словари и хроники, географические карты и пособия по изготовлению пергамента, красок и чернил...

Рядом с книгами армянских врачей здесь есть переводы трудов Галена, Немессия, Ньюсского, Авиценны; наряду с книгами армянских писателей — старинные переводы Гомера и Катона, Овидия и Эзопа, Менандра и Олимпияна, переложение или пересказ на армянском (с прекрасными стихотворными «кафами» Хачатура Кечареци) «Истории Александра» Псевдо-Калисфена, представляющий интерес в мировом масштабе. Есть тут книга стихов Навои, переписанная еще при жизни поэта в 1494 году, произведения Низами, Фирдоуси, Руставели, Физули, средневековые итальянские притчи, «Песнь о Роланде» и многое другое. Такое множество разнообразных тем содержится в армянских рукописях, что их даже трудно распределить по разделам,— здесь и «История переводов Библии» и «История воздушного шара»...

О чем рассказывают древние армянские рукописи, что они говорят нам?

Человеку XX века, познавшему все и вся, знакомому с Эйнштейном и квантовой теорией, достигшему Луны, производящему посадку второго сердца, усвоившему учения Гегеля и Маркса, что могут сказать такому человеку безвестные книжники из какого-нибудь монастыря, затерянного в глухом уголке постоянно подвергавшейся набегам и разрушению Армении...

Известно, что вопросом вопросов, стержнем и сутью философии и науки вообще является вопрос взаимоотношения материи и идеи, и в зависимости от ответа на него определяется место ученого в движении прогресса.

Итак, послушаем — прислушаемся с благоговейным удивлением к тому, что говорит армянский философ XIV века Григор Татеваци о познании и отражении мира, об отношениях материи и идеи: «Мы познаем (мир) часть за частью, с большей или меньшей степенью знания, и к тому же согласно изменению вещи. Наше познание следует за сущностью вещи, потому что прежде существует вещь и лишь потом — наше познание».

Или: «Если бы то, что вы говорите, было правильно, то не мысль следовала бы за вещами, а вещь следовала бы за мыслью, что заведомо ложно, ибо постоянное не следует за непостоянным, а только в нем отражается. Ведь следы идут за ногами, а не ноги за следами, тень следует за телом, а не тело за тенью. Отсюда ясно, что не мысль удостоверяет истинность вещи, а вещь определяет истинность мысли». Мир познаваем, пишет Татеваци, потому что «мудрой мыслью мы проникаем во все сферы мира, и ничто не может укрыться от света мудрости...» Бесстрашным и дерзновенным надо быть, чтобы так думать и писать в средние века. Подобного мыслителя не могла устрашить никакая кара, не могли одолеть ни царь, ни сам господь бог... «Мысль — судья бесстрашный и беззастенчивый; она не боится бога, ибо свободна; не стыдится людей, ибо скрыта; не принимает подкупа, ибо не нуждается в этом; не невежественна, ибо постоянно наблюдает. По этой причине судит она точно и истинно...»

Григору Татеваци повезло, что нашей церкви не были свойственны дикие судилища и инквизиция католицизма, у нас не были в ходу санбенито и аутодафе, иначе он неизбежно взшел бы на костер за свои «дерзкие и нечестивые» идеи...

А вот что писали армянские философы и ученые о земном шаре и Солнце, о солнечном затмении и Луне еще в V—VII веках — за такие мысли еретиков в Европе сжигали и десятилетиями позднее, в XVI—XVII веках... В рукописи армянского ученого V века Егише «Толкование Книги Бытия» читаем: «Когда луна находится в верхнем полушарии, а солнце в нижнем, то есть они находятся на одной оси, то

солнце не может одновременно бросать свет и на луну, и происходит затмение луны».

Вот крупный философ, астроном, географ и математик VII века Анания Ширкаци: «Земля и ее окружение напоминают мне яйцо. Как круглый желток яйца находится в сердцевине, окруженный белком, а скорлупа покрывает все, так и круглая земля находится в середине, окруженная воздухом, а небо обволакивает их». В другом месте он пишет, что все сущее предполагает распад, а из распада зарождаются семена сущего, и мир продолжает существовать благодаря этому противоречию.

Вот «Судебник» ученого и баснописца XII века Мхитара Гоша: «Человеческая природа создана богом свободной, но принуждена была служить господам из-за потребности в земле и воде. И это я считаю достаточным для того, чтобы, оставив господ своих, человек жил там, где пожелает».

Мысль эту подтверждает и углубляет Григор Татеваци: «Простые люди достойны прощения и милосердия, ибо совершают преступление не по своей воле, а по принуждению нищеты. Как говорится в притче, крадет, чтобы насытить свою голодную утробу. Тогда как князь совершает преступление по своей воле, ибо ни в чем не нуждается, поэтому он должен быть наказан вдвойне...»

Татеваци вообще свойственна необычайная глубина мысли и разнообразие интересов. В толковании многих философских проблем он предвзглядно взгляды крупнейших мыслителей будущего. Вот что говорит он о происхождении человека, о роли труда в процессе становления четвероногого существа двуногим: «Голова человека поднята кверху, чтобы язык и руки служили мысли и труду. Ибо если бы голова человека была опущена книзу, а руки прижаты к земле, он не мог бы работать, и ему понадобились бы длинный язык и толстые губы, чтобы подбирать пищу. В таком случае язык не мог бы служить мысли, как ныне».

Буквально с полуслова ту же мысль продолжает в XV веке философ и ученый Матевос Джугаеци: «Поскольку животные лишены разума, чтобы творить, им руки не нужны. Человек же — обладатель разума и мудрости, которая нуждается в руках. Поэтому он встал на задние ноги, а передние поднял и превратил в орудие действия...»

В эпоху средневековья, когда человек почитался «порождением греха» и «вместилищем скверны», подлинным гимном человеку звучит рассуждение Татеваци о его совершенстве. Говоря о наличии трех стадий развития души — растительной, чувствующей и разумной — и о переходе от несовершенных стадий к совершенной, разумной, Татеваци утверждает, что она может быть присуща лишь такому совершенному созданию, как человек...

Можно было бы без конца цитировать из трудов других историков

и философов — начиная от Давида Анахта (Непобедимого) до Езника Кохбаца и Григора Магистроса, Ована Воротнеци и Симона Джугаеци.

Однако и приведенного достаточно для того, чтобы показать, что безвестные и известные тогдашнему миру ученые из глухих уголков затерянной Армении, именовавшие себя «недостойными» и «последними», находились на самом высоком уровне современной им науки и философии и выражали мысли, которые почитались «дерзкими откровениями» спустя много веков даже в цивилизованных странах, хоть они и вынуждены были скрывать обретенную истину за густым слоем молитв и восхвалений всевышнему, хоть и делали сколь искренние, столь же тщетные попытки своими по существу богоборческими идеями доказать существование бога...

Неудивительно, что чужеземные захватчики нападали в первую очередь на очаги нашей письменности, разрушали книгохранилища, университеты, школы, убивали ученых монахов и переписчиков, а рукописи уничтожали и сжигали, надеясь огнем пожаров затмить исходящий от них свет...

Но наш народ-книголюб ценюй жизни спасал не только армянские, но и множество славянских, персидских, греческих, еврейских, индийских, латинских, грузинских, арабских и других рукописей, которые ныне хранятся у нас, вызывая добрую зависть многих книгохранилищ мира.

Многие утерянные в течение веков труды древних греческих, ассирийских и других ученых и философов сейчас вновь становятся достоянием человечества благодаря сохранившимся древним армянским переводам.

К их числу относятся «Хроника» известного греческого историка IV века Евсевия Кесарийского, книга «О природе» греческого философа Зенона Стоика, труды Феона Александрийского, Филона Еврея, фрагмент «Ботаники» Диоскурида, математический труд Авиценны «Китабе Неджаб», многие главы «Истории Александра Македонского» Псевдо-Калисфена и другие.

О древних и средневековых библиотеках, университетах и очагах создания рукописей много рассказывается почти всеми армянскими историками, большей частью по грустному поводу их уничтожения захватчиками.

«Тамерлан распорядился собрать и уничтожить огромное количество древних рукописей, а часть увез в Самарканд», — пишет один из переписчиков рукописи.

«В 1179 году во время нашествия сельджуков в городе Багаберд была сожжена библиотека, где хранились 10 000 рукописей», — добавляет другой.

А вот как описывает в 1386 году переписчик Акоп свои мытарства и мытарства своего учителя философа Ована Воротнеци, во время нашествия монголов:

«Я начертал эту книгу и закончил в годину горькую и полную слез...»

Захватившие Армению монголы заняли крепость Воротан, и философ Воротнеци, преследуемый врагами, вынужден был бежать. Переписчик повествует: «С тяжелым грузом, накинув на плечо переметную суму с переписываемым экземпляром рукописи, пером и чернилами, шел я с Воротнеци, читал и писал, сколько успевал, с большими трудностями и страданиями, ибо, где я начинал писать, там не мог закончить...»

На последней странице матенадаранской рукописи за номером 823, написанной в 1266 году, есть трогательный рисунок, интересный тем, что не имеет никакого отношения к тексту рукописи. На полу лежит одетый в красную ризу старик, из груди которого течет кровь, а рядом валяются окровавленные мечи. Под рисунком — памятная запись молодого переписчика, в которой он просит читателей этой рукописи «поминать в своих чистых молитвах моего духовного отца и учителя Ованеса, которого на моих глазах убили чужеземцы...»

Буквы расплылись от слез, почерк неровный. Видимо, заметив это, переписчик просит прощения у читателя: «В последних страницах книги будут ошибки или буквы будут большие и неровные, так как горька моя печаль, и я самый недостойный из учеников моего мастера».

Народ бежал из страны, унося с собой спасенные от огня и меча книги.

И наряду с очагами создания рукописей в самой Армении появились новые очаги — в Феодосии, Амстердаме, Венеции, Иерусалиме, во Львове и Крыму, в Исфагани, Бомбее, Басре, Париже, Киликии и даже на далеких Филиппинских островах.

Взгляните на карту мира, и вы не найдете почти ни одной страны, где ни писались бы или куда ни попали бы армянские рукописи. Каждый раз, когда враги пытались, подобно буре, с корнем вырвать ростки армянской культуры, семена ее той же бурей разносились по всему миру и в далеких его уголках давали новые всходы. Наряду с очагами письменности, появлявшимися за пределами Армении, вновь оживали библиотеки и университеты на армянской земле. Выкупались и возвращались рукописи, писались другие, строились новые библиотеки и университеты.

«В год 1235 я и жена моя Хоришан построили это книгохранилище во имя дочери нашей Мамахатун», — гласит надпись князя Вачутянца на стене монастыря Сахмосаванк.

Очаги письменности, которых в Армении буквально было «не счесть», образовали множество направлений или школ, каждая из которых имела свои характерные черты.

Наиболее известными были школы Ширака (Ани, Ахпат, Санаин), Сюника (Нораванк, Гндеван, Гладзор, Татев), Киликии (Ромкла, Сис,

Дразáрк, Акне́р), Крыма (Кафа́, Сурха́т, Керч), Ва́на (Наре́к, Ван, Ахтама́р, Хиза́н), Кара́йна, Ерки́нка, Джуги́ и др.

Один из древнейших очагов письменности — основанное еще в V веке Эчмиадзинское хранилище рукописей, где с XV века стали сосредоточиваться рукописи из Сахмосаванка и других монастырей. Эчмиадзинское собрание впоследствии стало основой нашего главного хранилища рукописей — Матенадарана.

Сколько людей трудились над созданием каждой из дошедших до наших дней рукописей, над тем, чтобы писать или переписывать их, хранить, спасать от гибели и порчи, довести до грядущих читателей...

Взять хотя бы переписчиков рукописей, тех скромных, бедных людей, благодаря легендарной трудоспособности и упорству которых мы имеем эти сокровища.

Их судьбы, мысли, чувства — все, что можно узнать о них из скрупюльных памятных записей, — очень интересны.

Переписчики, как правило, избегают говорить о себе, а если и говорят, то с многочисленными оговорками: они, мол «самые недостойные», «первые среди глупцов и последние среди мудрых» и т. п. У них была трудная жизнь, непосильная работа, но сообщают они не об этом, а только о великом утешении, о вознаграждении за все эти трудности — о книге.

Они редко пишут о трудной работе по изготовлению пергамента, о сложности составления красок и чернил, о том, как годами и десятилетиями сидели они, сгорбившись, над рукописью.

Они не пишут о том, что многие из них ослепли, безвременно сошли в могилу.

В монастырях они жили беднее всех, довольствуясь куском хлеба и водой, страдая от холода, сырости, болезней.

Вот как описывает их благородный труд армянский поэт Аветик Исаакян:

...В уединенье темных келий,
в глухих стенах монастырей,
историки, от скорби сгорбясь,
перед лампадою своей,
без сна, ночами, запивая
заплесневелый хлеб водой,
записывали ход событий
на свиток желтый и сухой:
нашествие орды кровавой,
несчастья гибельной войны,
врагов жестокою расправу,
крушение родной страны...
Оплакивали Айастана
жестокосердную судьбу

и уповали неустанно,

что бог услышит их мольбу...

Сколько страданий перенесли эти простые люди, спасая рукописи от пожара и грабежа, скольких из них убивали прямо в келье во время работы, сколько они мучились, бродя по селам и городам, странам и государствам, чтобы выкупить и вернуть «попавшую в плен» рукопись (они так и писали — «попавшую в плен», как пишут о людях!)...

Как трудно было им переписывать в нескольких экземплярах скучные, надоевшие канонические религиозные книги или схоластические трактаты!

Сколько переписчиков погибло во время переселения, на дорогах изгнания, было убито врагами, от которых они пытались спасти рукопись...

Во время монгольского нашествия рукописи из Ахпатского и Санаинского монастырей были скрыты в ущельях и пещерах Лори. Враги окружили эти места и стали пытаться монахов, требуя выдать тайники. «Не предавайте святыни псам и не мечите бисера перед свиньями», — гордо ответили евангельским изречением три фанатичных священнослужителя...

Говорят, надгробный памятник этим священникам, известный под именем «Три креста», сохранился доньше где-то в окрестностях Санаина...

Эпизод этот не случаен и не единичен. Многие фанатичные переписчики и ученые монахи ценою собственной жизни спасали рукописи, которые были для них святыней, более того — живым существом, родным и близким...

Бывали случаи, когда бездетные семьи «усыновляли» рукопись, как усыновляют ребенка, впоследствии оставляли ей наследство и специальным завещанием поручали попечительство о ней какому-нибудь монастырю или хранилищу...

Да, для армян рукопись была существом живым и любимым; нередко существом живым и непокорным была она и для врага — иначе как могли рукопись, предмет неодоушевленный, заковать в цепи, как это сделал один персидский шах...

Переписчики думали о рукописи как о самом сокровенном, и считали лучшей наградой за все свои страдания возможность рассчитывать в уголке последней страницы рукописи.

Более смелые из них оставили записи, в которых выражали свои мысли, чувства, иногда писали стихи или рисовали себя у ног того или иного знаменитого ученого, историка, поэта.

Когда читаешь скучные строки этих записей, перед тобою оживает мудрость, народный юмор.

В одной рукописи описываются страдания армян от нашествия

монголов и то, как некоторые из них предпочли позорное рабство борьбе и смерти.

Переписчик не остался равнодушным и на полях рукописи приписал: «Лучше умереть с чистой совестью, чем жить, не смея поднять глаз».

На полях рукописи по алхимии, где описывается испытание золота огнем, переписчик добавил: «Золото испытывается в огне, а настоящий патриот — в бою».

Другой, заботясь о тех бедных крестьянах, которые после сдачи урожая князьям и монастырю с горя пьют, дает им двенадцать советов о «вреде пьянства». Но, видимо, чувствуя, что это не поможет, и люди все равно будут заливать горе вином, он переходит к советам более реальным — как пить, не пьянея: «Съешь натошак семь штук миндала, после каждого стакана сжуй два зерна айвы»...

Описывая убийство армянским крестьянином одного из сельджукских ханов, особенно прославившегося своими зверствами, переписчик добавляет от себя: «Тот, кто убивает бешеную собаку, неповинен».

В одном из многочисленных списков перевода Аристотеля (их больше трехсот) после мудрых изречений философа с изумлением читаешь: «О блохах: возьми кровь козла, налей в миску и поставь рядом с собой — так избавишься от блох». Это кажется сейчас странным и диким, Аристотель — и вдруг блохи, но в свое время было естественным и вполне понятным.

Переписчику, который работал в душной каморке с земляным полом, блохи не давали покоя. Человек не мог работать, и избавление от блох было для него очень важно...

В подобных фактах особенно наглядно проявляется древняя Армения со своими контрастами.

Очень интересны комментарии переписчиков к переписываемым книгам. Один из них, переписывая книгу армянского философа V—VI веков неоплатоника Давида Анахта (Непобедимого), недоволен тем, что философ выражается очень сложно:

«О философ Давид, писал бы попроще, чтобы мы тоже кое-что поняли», — иронически советует он.

Другой, переписывая «Грамматику» Дионисия Фракийского, возмущается схоластичными, мертвыми, не применяемыми на практике видами склонений и спряжений, которые занимают в рукописи десятки страниц: «Я кую, ты куешь, он кует... Я ковал, ты ковал...» Настоящее время, прошедшее, будущее, причастие, деепричастие... Но, видимо, спряжению нет конца. На двенадцатой странице переписчик, устав от этого, пишет: «О брат читатель, я уже устал ковать; если хочешь, куй дальше сам», — и переходит к другой части рукописи.

Десятки тысяч переписчиков работали в Армении над рукописями, их памятные записи, извлеченные из фолиантов, составляют целые тома. Это благодаря их беззаветному труду дошли до нас сокровища

Матенадарана, и не зря я мечтаю о том, чтобы увидеть у здания Матенадарана рядом с памятниками историкам, ученым, писателям и памятник простому переписчику рукописи...

«Рука моя уйдет, а письма останутся» — вот единственное, что утешало этих людей в их тяжком, изнуряющем труде, которому они отдавали всю жизнь. И хоть достойная преклонения «рука» их обратилась в прах, «письмена» их остались и дошли до нового ереванского Матенадарана...

Не заботясь о себе, о своем здоровье и жизни, переписчики беспокоились лишь о судьбе рукописи. В большинстве памятных записей — мольба к современным и грядущим читателям бережно относиться к их детищу. Вот дословный перевод одной из таких записей:

О читатели, молю вас,
Внемлите моему слову:
Возьмите себе мою книгу, храните ее и читайте,
Попадет она в плен — верните обратно,
Не кладите во влажное место, отсыреет,
Не закапайте ее свечой,
Не слюнявьте палец, листая рукопись,
И не рвите бесстыдно ее страницы.

Больше самой смерти переписчики боялись оставить рукопись незавершенной. Восьмидесятишестилетнего переписчика Ована Мангасаренца так страшила эта мысль, что дрожащей от старости рукой он все-таки довел до конца последнюю рукопись. Он умер, не успев начертать только памятной записи.

Это сделал за него молодой переписчик Захария, который сообщает о своем учителе: «Семьдесят два года, лето и зиму день и ночь, провел он в переписывании. Его рукой переписаны сто тридцать две книги. И в старости, когда зрение его испортилось и рука дрожала, с большими мучениями он едва смог закончить Евангелие от Иоанна и больше уже не мог держать перо». В Матенадаране есть много «изувеченных в битве» рукописей — настоящих воинов, чудом спасшихся от смерти. У одних вырван переплет и пергаментные листы, другие наполовину сгорели на костре или от пожара, третьи были утоплены в реке, четвертые изрезаны ножом на куски, одни закованы в цепи, с других пробовали соскрести армянские буквы и начертать другие письма... Среди изувеченных рукописей Матенадарана немало также жертв геноцида 1915 года.

Многие из поврежденных рукописей сейчас реставрируются, а иные вовсе «онемели» от ужасов, окаменели и больше уже никогда не смогут рассказать о себе...

В старину случалось, что такие полусожженные, изрубленные мечом или попорченные водой рукописи, если их нельзя было уже

«излечить», пытались захоронить, как хоронят павшего в битве воина, и рукописи хранили, как дорогих покойников, в склепах.

Из таких многострадальных рукописей — «Избранные речи», история которой очень напоминает историю нашего города.

Это самая большая рукопись Матенадарана — по размерам и по содержанию... Свыше трехсот разнообразных и интересных материалов содержит этот фолиант, среди них — избранные речи и жития святых, оды, научные труды и отрывки из книг армянских историков Мовсеса Хоренаци, Егише и Себеоса.

Мог ли думать хозяин этой рукописи «Аствацатур из Берда», заказывая ее в 1200 году, что станет она одной из самых знаменитых и прославленных армянских рукописей, будет возлежать на самом почетном месте в выставочном зале Матенадаран, к ней будут ходить паломники со всех концов света, о ней будут говорить и писать ученые... И все это не столько из-за того, что она велика по размерам, сколь потому, что она, как и наш народ, познала великие страдания.

Рукопись эта была переписана в монастыре Аваг близ города Ерзынка (находится ныне на территории Турции) переписчиком Варданом Карнеци. Целых три года потратил он на переписывание «Избранных речей» и закончил работу в 1204 году. Эта огромная рукопись весит (без переплета) два пуда. Для изготовления ее шестисот семи больших пергаментных страниц было заколото около шестисот телят. Рукопись богато иллюстрирована миниатюрами художника Степаноса.

«Памятные записи» рукописи рассказывают о многом и разном, большей частью трагическом: о состоявшейся в 1204 году в Басене битве армяно-грузинских войск с полчищами сельджука Рукн-эд-Дина, об убийстве хозяина рукописи (заказчика), о том, как рукопись «попала в плен» и как армяне, собрав по городам и деревням, монастырям и школам деньги — четыре тысячи монет (примерно 20 килограммов серебра), с большими трудностями нашли эту рукопись на чужбине, заплатили грабителям выкуп и вернули ее обратно, в монастырь города Муш.

Там она сравнительно спокойно прожила целых семь веков («спокойно» в армянском понимании, не считая пожаров и с десяток мелких набегов на монастырь, во время которых ее прятали в подвалах).

В годы первой мировой войны рукописи грозило окончательное уничтожение. Русские войска уходили с Кавказского фронта, и озверелые турецкие захватчики наступали, уничтожая на своем пути все живое и ценное.

Но рукопись была спасена двумя голодными, изможденными беженками из спаленного, ограбленного монастыря. Они по очереди несли на спине эту тяжелую, весом более двух пудов ношу. Выбившись из сил, они разделили рукопись на две части, и одну половину,

завернув в тряпье, зарыли во дворе церкви в Эрзеруме, а другую с большим трудом донесли до Эчмиадзина.

Прошло время, и вторую часть рукописи нашел и отдал Матенадарану офицер русской армии Николай де Роберти.

Наконец обе части этой многострадальной рукописи, подобно нашему народу, соединились на родной земле и обрели мир. Хотя, как и наш народ, эта рукопись тоже имеет свою диаспору — своих «изгнанников», вынужденных жить вдали от родной земли: семнадцать страниц «Избранных речей» когда-то попали в Италию и хранятся в одной из библиотек Венеции, две страницы недавно нашлись в Ленинской библиотеке Москвы и еще 41 страница пока числится «без вести пропавшей»...

Оказалось, что «настоящими мужчинами» показали себя в эти трудные дни не только женщины, но и... мужчины. Покидая Муш, они ввалили на плечи тяжелую дверь мушского монастыря — шедевр деревянной скульптуры XII века — и пешком дотащили ее до Еревана. Сейчас она находится в историческом музее Армении. Впоследствии по этому образцу современные армянские мастера изготовили дверь для одного из залов Матенадарана — за ней, как и в давние века в монастыре города Муш, хранится рукопись «Избранных речей».

Сколько сокровищ духовной культуры потерял наш народ в течение долгих веков своей истории...

Христианство уничтожало языческую письменность и искусство, еретики боролись против всего христианского, чужеземные завоеватели выкорчевывали и то, и другое.

Однако, несмотря на все, сохранилась и дошла до нас неиссякаемая сокровищница письменности, литературы начиная от языческих легенд в книге отца нашей истории Мовсеса Хоренаци и его же знаменитого «Плача» до страстной «Войны Варданидов» Егише, от мудрых средневековых шараканов и притч до вдохновенных стихов Нарекаци и Шнорали, от посвященных природе и любовных од средневековых песнопевцев до наших бесподобных «айренов», от песен великого множества известных и неизвестных гусанов до творений Нагаша Овнатана и Саят-Нова...

Испытываешь чувство гордости, листая многовековую книгу нашей поэзии, эти бессмертные создания бессмертных творцов, начиная от книг первых историков и поэтов до ослепительно яркой средневековой поэзии и новой литературы XX века.

Да, гордость, но одновременно и тяжелое чувство, потому что созданные в течение веков книги эти оставались живыми, современными, увы, и по той причине, что остались живыми, не устарели, не ушли в прошлое волнующие народ проблемы: все те же были бедствия и страдания, те же неразрешимые вопросы и попытки освободиться от них, — то есть все то, что в свое время породило эти книги...

О, если бы хоть некоторые из этих вопросов разрешились, пусть даже расплатиться за это пришлось бы смертью многих книг!

Откройте книгу сокровищ нашей многовековой поэзии, прочтите ее — начиная от «Плача» Мовсеса Хоренаци до стихов Исаакяна, Варужана и Терьяна.

Какие они все разные, самобытные и оригинальные, каждый по-своему, однако у всех тождественна суть, главное содержание их творчества — описание народного горя, бедственного положения страны, вера в светлое грядущее. Словно все эти книги — от V до XX века — писал один человек, одна чуткая и мудрая душа, веками бывшая свидетелем бед и страданий народных.

Вот «Плач» Хоренаци, доносящийся к нам из V века: «Оплакиваю тебя, страна армянская, ибо нет более у тебя царя и священника, советника и наставника, покой твой возмущен, нарушена правая вера, и в невежестве укоренилось суеверие... Внутри — междоусобица, извне — бедствия, и нет советника, который наставил бы тебя... Управители не следят за порядком, они жестокосердны. Милые сердцу преданы, враги окрепли, вера продается ради суетной жизни...»

То же самое находим в книгах Егише, Езника, всех других историков. То же видим в VI веке и в VII, во время арабских нашествий. То же самое находим у Аристакеса Ластивертци, жившего в XI веке. Если Хоренаци «Плачем» заканчивал свою книгу, то он начинает повествование с «плача»:

Наступили для нас дни мучений,
И постигли нас великие бедствия,
Ибо переполнилась мера грехов,
И суетный глас наш вознесся к богу!
Каждый смертный свой путь осквернил,
Страна исполнилась нечестивости,
Убавилась справедливость, возросло беспутство,
Мирянин и иерей изолгались перед богом...
Вот почему племена инородные
Смогли изгнать нас из обиталища нашего...
С четырех сторон ныне войны проснулись:
С востока — меч, с запада — гибель,
С севера — пламя, с юга — смерть!

Так было в Армении со времен Айка и Бэла до Ластивертци, о том же рассказывают книги во все другие времена.

Неужели и после этого ничего не изменилось в Армении, неужели глаза поэта видят все то же и говорит он о том же? Увы, это так!

Вот как описывает Армению XII века поэт Нерсес Шнорали:

Тогда пошли грозой войны
Агари на меня сыны.
Сначала зло умерщвлены
Ряды детей моей страны,
И грады вслед истреблены,
Как ряд зубцов одной стены,
Разрушены и сожжены,
В развалины обращены.
...Меж тех событий гробовых,
Для коих нет и слов земных,
Как выразит поэта стих
Весь ужас бедствий роковых?

А вот положение в Армении через сто лет, по свидетельству поэта Фрика:

Но мы неверным преданы,
Что мучат нас огнем войны.
Враг наших женщин продает,
О, сколько между нас — сирот,
О, сколько крови пролито
И сколько каждый день невзгод!
Доколе будем мы страдать?
Доколе в рабстве изнывать?
И ты за нас не мстишь, творец!
Ты бедам не кладешь конец!

Кажется, что это продолжение стихов Шнорали, хотя от Шнорали до Фрика прошло более века. Однако ничто не изменилось в Армении, все то же наблюдал глаз поэта, то же ощущали его сердце и душа, от тех же дум изнемогал мозг...

Пропустим еще сто лет и послушаем поэта XV века Ованеса Тлкуранци:

И страх над городом навис.
Напрасно горожан отряд
Сопrotивлялся. Занят Сис.
Враги вошли, дома горят,
Церковных не щадили стен,
Разрушен город и сожжен,
Служителей церковных в плен
Угнали. Увели их жен.

Есть одно великолепное аллегорическое стихотворение «Песнь об одном епископе», приписываемое поэту XVI века Григориусу Ахтамарци. Стихотворение это о вечной связи и вечном противоречии жизни и смерти, о том, что человек смертен и, не вкусив в полной мере сладости жизни, не осуществив свои желанья, вынужден покинуть сей мир.

Несомненно, у каждого народа можно найти подобное стихотворение. Однако каждый написавший такие стихи поэт придает этой «вечной теме» колорит и образы, характерные для его страны и его народа. Один сравнивает жизнь и смерть с кораблем и морем, другой — с караваном верблюдов и безбрежными песками пустыни...

Ахтамарци (иначе говоря — наш народ) придал этой теме новую глубину, присоединив к ней извечный для нашего народа лейтмотив изгнания — необходимость покинуть возведенный своими руками дом и очаг, ухоженный сад... Как враги, чужеземные завоеватели принуждают человека, не отведав созревших плодов, покинуть свой сад и дом, так и смерть вынуждает, не изведав сполна жизни, покинуть ее и уйти к другим берегам...

...Опустошил я горный скат,—
Камнями защитил свой сад,
Собрал колючки для оград —
И слышу: встань, покинь свой сад!..

...В моем саду цветет гранат,
Лоз виноградных полон сад,
Льнет к зреющим плодам мой взгляд,
И слышу: встань, покинь свой сад!..

В точиле мнется виноград,
Вином меня утешит сад,
Хочу я пить в тиши прохлад.
И слышу: встань, покинь свой сад!..

...Увы! в цветы вселился яд,
Не дышит розами мой сад,
Распались камни колоннад...
Да! мне пора покинуть сад.

Если б это было лишь мудрым стихотворением, «божественным глаголом»! Но, увы, стихи эти всегда свежи, актуальны еще и потому, что и сегодня рассеянные по всему свету армяне вынуждены покидать свои построенные с большим трудом дома и сады, кочевать из страны в страну, строить снова и снова, пока не посчастливится им вернуться на родину, построить свой единственный прочный дом, возделывать свой сад на родной земле...

И хотя от Григора Ахтамарци до вашего покорного слуги прошло целых четыреста лет, и я писал и пишу на эту тему. Как хотелось бы, чтобы я оказался последним и последней была моя «Баллада о доме».

Он дома отчего не знал.
Но с детских лет, как виноватый,

о чем-то смутно тосковал,
За что-то ожидал расплаты.

Он дома отчего не знал.
Но, юношей, в Александрете
Стал строить дом — он молот взял,
Гранит тесал он на рассвете.

«Не мучься зря, — сказала мать, —
Пусть кое-как живем покуда,
Нам рано ль, поздно ль, но бежать
Придется, мальчик мой, отсюда!»

Убита мать... Не раз потом
Он вспомнит о ее совете:
Он так и не достроил дом,
От турок скрывшись на рассвете.

* * *

Он дома отчего не знал.
В Бейруте, как в Александрете,
Он молот взял, гранит тесал,
Чтоб в отчете доме жили дети.

Жена сказала: «Сил не трать,
Не верь, что совершится чудо, —
Чужбине родиной не стать,
Мы все равно уйдем отсюда!»

Жена скончалась... А потом,
Ее совет припоминая,
И впрямь он не построил дом —
Его звала страна родная.

* * *

Он дома отчего не знал.
Больной, уже на склоне жизни,
Он в Ереване молот взял, —
Он строил дом в своей отчизне.

Сказала Смерть:
«Старик, старик,
Пойми тщету твоих усилий,

И вся-то жизнь — лишь краткий миг,
А ты одной ногой в могиле!»

* * *

Но он уже достроил дом
И кроет кровлю черепицей,
А у стены в саду густом
Играет внучек смуглолицый.

Пришли новые века и с ними новые поэты, но то же бедственное положение страны, страдания бездомного изгнанника описаны и в поэзии XVII—XVIII веков, в чудесных «айренах» и «антуни», в многочисленных песнях.

Вот одна из песен «антуни», обработанная впоследствии Комитасом, ее поют армяне до сих пор:

Сердце мое что разваленный дом,
Груда камней над упавшим столбом,
Дикие птицы устроятся в нем.
Эх, брошусь в реку весенним я днем,
Пищей для рыб пусть я стану потом...

А вот великолепный, поистине не имеющий себе равного (я имею в виду оригинал) «айрен», где всего в двух четверостишиях передана невыносимая тоска по родине:

Деревцем я персиковым рос,
Подо мной родимый был утес.
Меня выкопали, унесли,
Посадили в сад чужой земли.
Там шербет из сахара любим,—
Мои корни поливали им.
Ах, меня верните в край родной,
Ах, полейте снеговой водой!

Деревцу не нужен «чужой рай», оно просится обратно, в свой «родимый ад», оно может расти лишь на сухой, каменной, но родной почве, питаемое живой водой — атмосферой родины, ее тальми снегами, печальными «айренами» и «антуни», армянской речью...

Армянской речью... Поистине удивительна та фанатичная любовь, которой наш народ был связан со своим родным языком и духовной культурой,— по-видимому, инстинктивно понимая, что язык, письменность — самое мощное оружие в извечной борьбе за существование.

И в самом деле, со дня создания армянского алфавита, армянской письменности завоеватели делали все, чтобы этот народ ассимилиро-

вался, смешался с ними, забыл родной язык. Но одинокий, беспомощный народ наш с маленьким отрядом своих тридцати шести букв-воинов боролся против них, выигрывая это вековое неравное сражение. И сегодня этими же древними буквами он записывает новые скривали своей новой истории.

Любовь к родному языку... Подчас она представляется неким сверхчувственным феноменом, инстинктом или чувством, которое способно творить и действительно творит чудеса.

Могли бы иначе истерзанные армянские матери найти в себе силы и в свой смертный час в пустыне Тер-Зор чертить пальцами на песке армянские буквы, чтобы дети запомнили их на всю жизнь...

Потрясающий пример подобного чувства описал Ремарк. Одна из его героинь, румынка, которая жила во Франции, всегда говорила по-французски и начисто забыла свой язык, умирая, в агонии, вдруг начинает говорить на родном языке, который никто вокруг не понимает.

Такой же пример дала и сама жизнь. Один из легендарных героев гражданской войны, армянин по национальности, Гай (Гайк Бжишкян), который жил и воспитывался в России и почти забыл родной язык, в день освобождения Симбирска его войсками, в минуту высшего вдохновения на многолюдном митинге вдруг начал взволнованно говорить по-армянски.

Но зачем идти далеко — я сам был свидетелем подобного случая. В 1957 или 1958 году в Москве мне позвонили из иностранной комиссии Союза писателей СССР и сообщили, что два мексиканских литератора хотят встретиться со мною. Он и она, супруги. Мужчина — настоящий краснокожий индеец, ему не хватало лишь убора из перьев и трубки, чтобы сойти за вождя племени, а женщина... женщина оказалась армянкой. В возрасте всего четырнадцати-пятнадцати лет она бежала из родного города и по стечению обстоятельств одна-одинешенька попала в самую глубь Мексики. Там она впоследствии вышла замуж за индейца, родила детей и забыла свое прошлое, превратившись в настоящую индианку. Муж ее литературовед, профессор университета в Мехико. Сама она искусствовед, написала множество книг о живописи, скульптуре, танцах Мексики и других стран Латинской Америки.

В одной из тихих комнат особняка Союза писателей муж показывал мне одну за другой изданные на английском, французском, испанском и других языках книги жены и с нескрываемой гордостью рассказывал о них. Сама она молчала.

Когда мы просмотрели все книги, она вдруг нервно отстранила их и отрывисто, на очень беспомощном армянском языке сказала:

— Все это неважно. Прочтите, пожалуйста, вот это, — и дрожащей рукой протянула мне тетрадь в черном кожаном переплете. В ней каракулями было написано по-армянски беспомощное стихотворение,

озаглавленное «Мечта изгнанника». Я быстро пробежал глазами страницу и приготовился уже, верный своему характеру, выложить свое настоящее мнение, как вдруг увидел ее лицо. В ее полных слез глазах было такое священное волнение, ожидание, такая непоколебимая вера в то, что именно здесь, в этой тетради, заключено лучшее и главное дело ее жизни, что я осекся и не смог сказать правды.

Зная историю этой женщины, я не мог не склониться перед той силой, что даже в ней, прошедшей всю жизнь в Мексике, сохранила живым, как на кострище огонь под слоем пепла, родное слово... Живым до такой степени, что несколько беспомощных строк, написанных по-армянски, она считала самым заветным, более важным делом, чем множество книг, написанных ею на других языках...

Но оставим далекую Мексику и вернемся к Армении...

Здесь не редкость встретить крестьянина и ремесленника (грамотного, полуграмотного или даже едва царапающего буквы), который, перевалив за шестьдесят, не стал бы вдруг тайком от своей старухи, от чад и домочадцев ночами напролет, в ученических тетрадях писать историю Армении в стихах (обязательно в стихах!), размахнувшись этак на три — пять тысяч строк, твердо уверенный, что делает главное дело своей жизни. Я читал десятки таких «армянских илиад» полуграмотных крестьянских Гомеров, не осмеливаясь никому сказать мое истинное мнение об их поэтическом даре, — мешало благоговение перед их приверженностью к родному языку, непосредственной заинтересованностью в судьбах страны.

Наверно, мало найдется на свете стран, где даже в домах не очень грамотных крестьян книги по истории своего народа читали бы с таким же интересом, как художественные, где с утра до вечера спорили бы о различных ее событиях...

...В течение долгих веков своего существования народ наш создал бесценные сокровища духовной культуры, особенно это относится к письменности, литературе.

И через всю нашу литературу проходит красной нитью — той самой нитью, которая потом вплелась в красное знамя, — одна основная тема: тема национально-освободительной борьбы, тема неугасимой веры нашего народа в мирную жизнь и честный труд.

Эта вера сквозит в книгах историков V века, и эта же вера продиктовала замечательному поэту Ованесу Туманяну в 1920 году приветственное письмо ревкому Армении и привела одного из нежнейших армянских поэтов, Ваана Терьяна, к воспеванию «крово-красного стяга» Октября.

Можно сказать, что у нас никогда не было литературы вообще, литературы «просто так». С самого зарождения она была мощным оружием в руках народа в борьбе за светлое грядущее.

Могучим оружием самозащиты и самосохранения были не только язык и письменность, но и сам факт создания армянского алфавита,

который преследовал не только и не столько филологические, сколько политические, дипломатические и даже оборонительные цели.

Чтобы уберечься от захватнических, ассимиляторских притязаний своих древних агрессивных соседей, прикрывающихся дымовой завесой «общности интересов», «слияния», «единства целей», маленькая Армения издавна была вынуждена еще более обособиться, изолироваться, подчеркивая не то, что роднит ее с другими народами, а то, что отделяет от них, утверждает ее самобытность.

Когда ей угрожала Персия со своим огнепоклонничеством, Армения, чтобы не быть растворенной в ней, оградилась защитной стеной христианства, противопоставив огню крест.

Когда под лозунгом братства всех христианских стран ей угрожала поглощением Византия, Армения выдвинула свое толкование христианства, отделившись от вселенского.

А когда Армения осознала, что проповедь христианства (даже «своего», армянского) на греческом и ассирийском языках подвергает опасности существование языка армянского и способствует ассимиляции народа, она создала свой алфавит, свою письменность, чтобы проповедовать свое христианство на своем языке, сохранить независимость и самовластие.

Эту важнейшую миссию — создание алфавита, который положил начало нашей письменности, осуществил сын крестьянина Вардана из села Адик, один из крупнейших армянских ученых и государственных деятелей IV—V веков, Месроп Маштоц. Отвергнув блестящую придворную и военную карьеру, он при содействии царя Врамшапуха и одного из образованнейших людей своего времени, католикоса Саака Партева, посвятил свою жизнь трудному делу «сотворения света», содеяв то, что никто не мог сделать до него ни крестом Григория Просветителя, ни мечом Тиграна Великого.

Месроп Маштоц, получивший разностороннее образование, путешествовавший по многим странам, изучавший все древние и новые языки того времени, создал совершенный алфавит, который (невероятно, но факт!) не подвергся изменениям в течение долгих шестнадцати веков и при помощи которого сегодня я, его недостойный наследник, пишу эти строки...

Весь народ вышел встречать Маштоца, когда он вернулся в Вагаршапат с только что созданным алфавитом, с теми тридцатью шестью храбрыми воинами «отряда-книги», которые вот уже 1600 лет как защищают нашу самобытность. В жестоких и кровавых битвах за самосохранение народа не погиб ни один из этих воинов — напротив, ряды их пополнились еще тремя храбрецами, буквами «ев», «оф», «ф», которые «перешли на нашу сторону» в последующие века...

Весьма характерна для нашего народа первая фраза, написанная буквами новейшего алфавита: «Познать мудрость и наставление, постичь изречение разума».

В ней выразилось ненасытное стремление нашего народа к знанию, которое распространялось не только на собственную культуру, но на все лучшее в культурах других народов и включало также желание поделиться собственным духовным достоянием...

Месроп Маштоц — величайшая и светлейшая личность из всех деятелей нашей истории, и не случайно его скромная могила в селе Ошакан является святыней Армении, к которой устремляются паломники со всех концов света вот уже шестнадцать веков!

Кстати, именно Маштоц впервые перевел на армянский язык Библию (этот перевод признан в филологии лучшим и считается «матерью переводов» Библии), написал первые стихи и шараканы (церковные песни), первые учебники и научные трактаты. Он же открыл первые армянские школы, став нашим первым учителем и проповедником.

Поскольку для христианской историографии самым важным из деяний Маштоца является перевод Библии, то сразу же после его осуществления был учрежден особый «праздник переводчика», который вот уже шестнадцать веков отмечается в Армении каждую осень.

Кстати, он никогда не был праздником только для церкви или верхушки общества, его чтит весь народ — крестьянин и князь, ремесленник и воин, духовенство и ученые, читатели и... писатели.

Вспоминается, что рассказывал по этому поводу Стефан Зорьян. Как-то глубокой осенью пришел к нему стекольник вставлять в оконные рамы стекла, но, не закончив работу в тот же день, сказал, что придет послезавтра.

— Как же так, лишний день будем мерзнуть, пришел бы завтра, — сказал ему маститый писатель.

— Завтра не могу, хоть и весьма уважаю вас... завтра праздник переводчика, еду поклониться могиле Маштоца...

«Мне стало неловко, что сам я забыл об этом, — вспоминает писатель, — но в то же время я невольно испытал чувство великой гордости за свой народ...»

...Месроп Маштоц создал армянскую азбуку в 396 году, и всего через пятьдесят лет после этого армянские письмена уже сражались за свободу против персидских завоевателей.

Оружейники ковали мечи и копья, историки и ученые создавали пергаментные рукописи. По-видимому, последние были страшнее для врага, иначе невозможно объяснить ту ненависть, с которой каждый завоеватель обрушивался на очаги нашей письменности, уничтожая рукописи, убивая переписчиков.

Очаги письменности — будто это были оружейные склады! — уничтожались в первую очередь.

«Лучше иметь слепой глаз, чем слепую мысль»; «смерть неосознанная есть смерть, смерть осознанная — бессмертие» — вот

какими словами окрыляли еще в V веке бьющихся за освобождение армянских воинов наши писатели и историки. Надо ли говорить, что слова эти были сильнее лука и стрел, мечей и копий, которыми было вооружено тогда армянское войско.

Именно дух национально-освободительной борьбы и мечты о мирной жизни породили в IX веке, в страшные годы арабского нашествия, мудрый и жизнерадостный эпос «Сасунские удалцы».

Как и герои всех эпосов, Давид Сасунци также обладал чудодейственным оружием — то был его «меч-молния». Как и другие герои, он мог поражать им целые полчища врагов. Но редко поднимал свой меч Давид Сасунци — лишь вынужденно, лишь когда переполнялась «чаша терпения народного».

Даже когда на Армению напал Мсра-Мелик со своим неисчислимым войнством, Давид не уничтожил (подобно героям многих эпосов) его войско.

Убив зачинателя войны Мсра-Мелика, он отпустил по домам арабских воинов — силой согнанных на поле боя крестьян. Он напутствовал их наказом беречь мир и никогда не поднимать меч на другие народы.

Если в X веке гениальный поэт Григор Нарекаци, этот кипящий вулкан человеческой мысли и чувства, взывая в молитве к богу, ставил превыше господя сотворенного по его образу и подобию человека, то спустя три века поэт Фрик уже смело вступает в спор с богом, осуждая созданный им мир, где столько несправедливости, горестей и печали:

Один всегда по горло сыт,
Другой от голода дрожит;
Один в порфиру облачен,
Другой лохмотьями прикрыт;
Кто в красную парчу одет,
А у кого рубашки нет;
Тому дозволено грешить,
А этому — на все запрет...

В стихотворении Фрика «Жалобы» слышны отголоски того грохота, с которым Смбат Зарехаванци — вождь средневековых еретиков «тондракийцев» — сбросил с Татевских гор чашу со святым миром, восстав против бога во имя честного труда и свободной любви.

Фрику вторит один из крупнейших поэтов XIV — XV веков Мкртич Нагаш, который уже отделял трудовой народ от его алчных и воинственных поработителей:

Цари сядутся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой — все из-за жадности людской.
Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над страной,
Ровняют города с землей — все из-за жадности людской.

После Нарекаци и Фрика мрачный небосвод средневековья озарило созвездие светских поэтов, воспевавших вместо распятия зеленое древо жизни, вместо ладана аромат весенних цветов.

Лирические стихи о природе и любви, которые кажутся сейчас безобидной забавой, тогда были дерзкой и опасной оппозицией против религиозного догматизма, канонической поэзии, «культы личности» бога.

Эта лирика ознаменовала подлинное Возрождение, первые признаки которого в армянской литературе, философии, искусстве появились за несколько веков до европейского Возрождения.

Недаром Валерий Брюсов писал: «Средневековая армянская лирика есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира...» И еще: «Знакомство с армянской поэзией должно быть обязательно для каждого образованного человека, как обязательно для него знакомство с эллинскими трагиками, с «Комедией» Данте, драмами Шекспира...»

Признаки эти видны уже в «Книге скорбных песнопений» гениального поэта Григора Нарекаци.

Не будем забывать, что он творил в X веке, за 300 лет до Данте.

И если он не стал известен, подобно Данте, да и поныне малоизвестен цивилизованному миру, то единственно из-за отсутствия у армян государственности — государственности, которая зачастую принуждает другие народы приобщиться к культуре данной нации или служит тем высоким пьедесталом, с которого духовные достоинства того или иного народа хорошо видны миру.

Творческая сущность «Скорбных песнопений» Нарекаци — внутренний мир человека, представленный впервые в армянской, да, пожалуй, и во всей мировой литературе, проникновение в глубокие извилины души и их исследование, двойственность человека — смертного и бессмертного, ущербного и совершенного, наконец, вопрос взаимоотношений человека и бога.

Созданная тысячу лет назад, книга эта, несмотря на объяснимую временем скованность и свойственный средневековой литературе густой религиозный флер, поистине может считаться одной из самых современных, если хотите, «модерных» книг XX века. Вся поэзия Нарекаци — жгучее слово, обращенное к богу во имя совершенства человека, и вполне понятны тот интерес и восхищение, которые возникают сегодня к Нарекаци в странах, где переводится его «Книга».

Читая Нарекаци, действительно ощущаешь, что человек создал бога, а не бог человека, хоть сам Нарекаци каждый раз после своих вулканических дерзновенных порывов испрашивает у бога прощения, страшась его суда...

Впадая в крайность, кое-кто тчится доказать, что Нарекаци не принимал бога.

Но в таком случае не была бы создана гениальная «Книга скорбных песнопений», она веками не потрясала бы народ своим трагизмом, верой, сомнениями, озарениями, страстью...

Трагедия Нарекаци в том и состояла, что, глубоко веруя в бога и страшась его суда, он не принимал главного его деяния — созданный им мир, полный несправедливости, горя и печали, и сам же страдал от этого противоречия.

Многие пытались писать в стиле Нарекаци — и терпели неудачу, ибо то, что в горниле гения Нарекаци превращается в жгучий пламень, у других остается лишь бессмысленной кучкой подернутых пеплом углей или тлеющих слов...

Наиболее характерным для поэтического мастерства Нарекаци является умение бесконечным нагнетанием противопоставлений создавать высокое душевное напряжение, выразить смятение:

Не дай мне лишь стенать, а слез не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа.
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, господь, мне жертву приносить
И знать, что негодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.

Церковника я вижу — жду проклятья,
Идет мудрец — предчувствую беду,
Идет гонец — могу лишь горя ждать я.

У кого искать спасения от всего этого, у царей, которые умели лишь в искусстве убийства?..

И почитая своим личным, собственным горем боль всего мира, народа, каждого человека («я емь все, и всеобщее заключено во мне»), Нарекаци хочет один быть принесенным в жертву, погибнуть за всех, лишь бы спасти мир, людей.

«За мои скорбные вопли и вздохи будь милосерд к душам других», — молит он бога и, как сказал бы Севак, «как бы умоляя, требует»:

Да будут разрушены
Все дьявольские ловушки,
И распознаны все приманки удилиц,
И обнажится темная западня коварства,
Да засохнут, истлеют ростки плевел,
Сгинет оружие клеветников,
Поникнут мечи сеятелей смерти,
Сокрушится рог высокомерия,
Да искрошатся
Древки лживых знамен,
Обуздается натиск притеснителей,
Обветшают корабли мошенников,
И зубы грызущих
Да будут вырваны с корнем!..

И поскольку во все века армянской (да и не только армянской...) истории хватало нравственной скверны, «Скорбные песнопения» Нарекаци стали бессмертны — они были всегда современны, будто написаны именно для этого века, для этого времени...

Озлобленный и неистовствующий от несправедливости и бесправия в сотворенном господом мире, Нарекаци порой бросает гневные слова самому богу и даже дерзает дать ему совет:

Прежде выслушай меня,
Чтобы потом, уже запоздалые,
Не позабылись мои моления,
...Вернее будет
Признать и меня виновным,
Чем почитать ложью твои заповеди...

Так укоряет он Всевышнего, однако тут же, убоившись собственной смелости, просит отпущения этого греха:

Каюсь, позабыл твои
Благодеяния — и каюсь вновь.
Каюсь, растлил душу ради тела,
Каюсь, глупец.
Каюсь, предал жизнь твою,
Воистину каюсь.
Каюсь, пренебрег твоими словами,
В муках каюсь.
Каюсь, торопясь к смертному часу,
Недостойнейший, каюсь.

Однако даже в минуты наивысшего раскаяния и самоуничтожения Нарекаци инстинктивно чувствует, что сам он — тоже бог и бессмертен, и гордо восклицает:

Да провозгласится во всеуслышание,
Доведется до сведения всех народов,
Запечатлится на вратах разума,
И на порогах чувств
Оставит клеймо —
Хотя как смертный
Я должен буду обрести конец,
Но в вечной жизни этой книги
Обрету бессмертие...

Благоговейное отношение нашего народа к бессмертной поэме, любовно прозванной «Нарек», — лучшее свидетельство его феноменальной приверженности родному языку и письменности. Эту внешне схожую с молитвами, а на деле богоборческую книгу народ чтит как святыню, в буквальном смысле обожествлял, приписывал ей волшебное могущество, наделяя свойством исцелять человеческую душу и тело. Вера в целительную силу книги столь укоренилась, что из века в век ее клали в изголовье больных, читали над страждущими.

Ведь и сам Нарекаци писал о ней:

Когда недугом мучимый жестоко,
Почти утратит кто-то с жизнью связь,
Пусть обретет он силу в этих строках
И возродится вновь, тебе молясь.

Светлые и сочные стихи «мирских» песнопевцев, пришедших после Нарекаци и Фрика, явились победой живого человека над иссохшим и бескровным клерикальным искусством, вернули поэзию природе и человеку, влили животворные соки и кровь в ее опавшие вены...

«Сильнее креста твоя благодать», — говорит о любви поэт XV века Ованес Тлкуранци.

Если вспомнить, что средневековые песнопевцы жили и творили, как правило, в монастырях, станет понятна мера дерзновения «сумасбродного Ованеса», как сам он называет себя, когда он призывает на берегу весеннего ручья,

Объяття рук кольцом сомкнув,
Вкушать вина земную сладость.

К тому же он предлагает и новый «ритуал» похорон:

Мой бедный прах вином омыв,
Пускай певец над ним споет.
Как в саван, в листья положив,
В саду весеннем погребет.

«Сумасбродцу» повезло, что армянская церковь, по велению истории, с самого возникновения носила отчасти «мирской» характер и руководил ею совет, состоящий наполовину из духовенства, наполовину из светских людей. Если бы ей свойственны были нетерпимость католической церкви и ее жестокая инквизиция, то гореть бы Ованесу ярким пламенем на костре, обратившем в пепел столько средних вековых ученых, поэтов, философов...

Пользуясь «прецедентом», предполагаемый автор «Айренов» — Наапет Кучак уже так осмелел, что святую церковь меняет (помилуй, господи!) на... Но лучше послушаем его обращение к возлюбленной:

Грудь твоя — белоснежный храм,
А соски — как лампы в нем.
Позволь мне молиться там
И стать твоим звонарем.

Проснувшееся от свежего дыхания Возрождения тело стремилось освободиться от духовных оков средневековья, чтобы свободно жить, творить, любить:

С той поры, как рожден на свет,
Мне спасенья в молитвах нет,
И пускай священник зовет —
Сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит —
Славословлю и шлю привет.
У колен ее — мой алтарь,
Я грудям ее дал обет.

Естественно, что для подобных стихов тесны были монастырские стены, и Нагаш Овнатан пишет уже не в келье, а за пиршественным столом, на зеленом лужку, подготавливая приход величайшего из армянских гусанов — Саят-Нова:

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут;
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.
Журчит ручей, и зелень тешит взгляд.
Мы пьем вино, мы сели дружно в ряд,
И розы пусть подарит брату брат.
Мы пьем вино, мы славим миг услад.
Поможет бог, и все пойдет на лад.

...В XVII веке Армения была окончательно разделена между Турцией и Персией. И, несмотря на этот длившийся веками кошмар,

армянский народ дал таких гениальных певцов, как волшебный автор «Айренов» Наапет Кучак и как Саят-Нова, вынесший армянскую песню из монастырской кельи с тем, чтобы она больше никогда туда не возвращалась...

Поэт, композитор, музыкант, Саят-Нова писал стихи, сам сочинял к ним музыку и сам пел свои песни-стихи, сопровождая их игрой на скрипке Востока — «кямани». Причем делал это... на нескольких языках.

Армянин по рождению, он прекрасно владел пятью языками: армянским, грузинским, азербайджанским, персидским, арабским. И еще одним языком владел он — вечным и доступным всем людям языком песни, с которой он был и вечно пребудет на всех кавказских пирах и в сердцах влюбленных.

Сын бедного плотника, ткач Арутюн рожден был гением. Он победил всех знаменитых гусанов своего времени и стал придворным поэтом грузинского царя Ираклия II.

О чем мог еще мечтать ашуг? Но человек феноменальных способностей, тонкий и мудрый поэт и музыкант, выразитель души и чаяний народа, Саят-Нова страдал от полной чванства и зависти атмосферы двора и часто подвергался обидам и преследованиям за свой свободный и гордый нрав, за свои «праведные песни».

Однако величайшим из его страданий была дерзновенная любовь к сестре царя Ираклия княжне Анне, которой посвящены лучшие песни Саят-Нова.

«Ты вся — огонь, наряд — огонь, какой из них стерпеть, скажи?» — воспламеняется от чар своей возлюбленной Саят-Нова, и через двести лет мы еще ощущаем жар его опаленного сердца...

Если бы от Саят-Нова остались лишь любовные песни, этого было бы достаточно, чтобы почитать его одним из лучших лириков мира.

Однако он оставил такие бесподобные стихи о сладости и горечи сей преходящей жизни, как «Наш мир — окно», которых было бы достаточно, чтобы почитать его одним из мудрейших поэтов мира:

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетет, мне стал не мил.
Кто взглянет, ранен. Язы жар, что душу жжет, мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал не мил.
Нельзя резвиться каждый день. Забав черед мне стал не мил.
Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечет?

Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почет.

Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речет.

Хочу бьюльбюлем улететь, мой сад — и тот мне стал не мил.

...Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер,

Былой уж сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.

Над розой плачу, как бьюльбюль,— шипы растут превыше мер.

Раскрыться розам не дают, их сбор — и тот мне стал не мил.

Коварным прихлебателям двора вскоре удалось раскрыть тайну высокой и несчастной любви поэта, и Саят-Нова, этого пылкого жизнерадостного поэта, обрядили в черную рясу и сослали в Ахпатский монастырь.

Нет хода истине моей,—
В народе расплодилась ложь!—

с болью бросил Саят-Нова в лицо своему веку, оставшись, однако, великодушным и незлобивым:

И пусть подносят желчь тебе —
Ты сахар дай, Саят-Нова!

«Слуга народа», как он сам назвал себя в одной из песен, Саят-Нова в этих строках выражает главное свойство нашего народа, который от бесчисленных бедствий не озлобился, не очерствел, остался добрым и отзывчивым, готовым жертвовать собой ради других.

Саят-Нова обратился к миру с знаменитой песнью-посланием, в которой выразил сокровенный завет нашего многострадального народа: «Возлюби письмена, перо возлюби, книгу возлюби».

И по сей день слова эти золотыми буквами сияют на стенах наших школ, библиотек, книжных магазинов. Они — будто прямое продолжение фразы, впервые написанной буквами армянского алфавита: «Познать мудрость и наставление, постичь изречение разума».

Эта мысль красной нитью — нет, красной струей крови — проходит через всю историю нашего народа: что бы ни случилось, любви свой родной язык, книги, духовную культуру, приходится ли тебе писать «айб, бен, гим» в пустыне Тер-Зор щепочкой на песке или в нью-йоркской квартире авторучкой «Parker» последнего выпуска...

Не этим ли вошедшим в плоть и кровь стремлением объясняется обилие с древнейших времен очагов армянской письменности, школ, библиотек, университетов, академий, богатство дошедших до нас древних рукописей и старопечатных книг...

...Родоначалником новой армянской литературы, создателем нового, понятного простому народу языка «ашхарабар» является великий поэт, прозаик и педагог начала XIX века Хачатур Абовян.

Сын крестьянина из села Канакер близ Еревана, Абовян с детства видел произвол персидских ханов и фарашей, их грабежи, набеги, похищения женщин, избиения.

Впоследствии Абовян с огромным накалом страсти выразил все это

в романе «Раны Армении», где он связывает надежды на освобождение нашей страны с Россией.

Однако в этом вопросе Абовян не был первым.

О русских или славянских племенах в армянских источниках упоминается еще в «Географии» («Указателе стран мира») крупнейшего армянского ученого и географа VII века Анании Ширакаци. В ней говорится о «двадцати пяти склавских племенах, проживающих в стране Дакия» об их «войнах против готтов» и о «переходе через реку Данай» (Дунай).

Впоследствии о русских упоминается в книге армянского историка VII века Мовсеса Каганкатваци, точнее — в приложении к этой книге, относящемся к X веку, где читаем: «В это же время с северной стороны появилась незнакомая нация, которую называют рузиками. Более трех раз они, подобно буре, дошли до берегов Каспия, до столицы албанцев Партава».

В последующие века о России и русских писали, кроме хроник, армянские историки Асохик, Степанос Орбелян, Киракос Гандзакечи и многие другие.

Армянские святые, мученики и канонические книги были в большой чести у славян как принадлежащие одному из древнейших христианских государств (Армения приняла христианство в 301 году).

Не случайно во многих церквах и монастырях Киева, Казани, Новгорода, Москвы и других городов отдельные часовни, притворы и приделы были посвящены армянским святым — как придел Григория Просветителя в храме Василия Блаженного, существующий по сей день. Как было сказано, с самого возникновения русского государства в Киеве армяне с оружием в руках помогали ему в борьбе против общих врагов, в свою очередь обращаясь к нему за помощью. Еще в XII веке настоятель Санаинского монастыря Григор Тутеворди, описывая бедственное положение армян, советует: «Обратитесь с протестом к кесарю, сообщите всей нации франков, ассирийцам и чтимой христианством прославленной русской церкви, прося у них должной помощи...»

Общеизвестны в истории факты участия армянских воинов в борьбе против врагов славян: в 1309 году против половцев (кипчаков), в Грюнвальдской битве против тевтонцев в 1410 году, в Варненском сражении в 1440 году, за освобождение Казани в 1552 году и др.

Беззаветная преданность армян русскому народу — «христианскому брату», который поможет освобождению от чужеземного ига, видна на протяжении всей истории русско-армянских отношений — от времен Киевской Руси вплоть до трагических событий первой мировой войны.

Вот лишь один из говорящих об этом фактов, относящихся ко времени взятия Казани. Когда русские войска окружили Казань, в городе было много христиан, в том числе и армян. Городские власти

заставляли армян биться против русских, но те даже под страхом смерти отказались «поднять руку на христианских братьев». Тогда армян приковали цепями к орудиям, приставив к каждому стражей с обнаженными мечами, чтобы таким образом вынудить их стрелять по русским.

По свидетельству русского автора «Истории о Казанском царстве», армяне даже в этом безвыходном положении умудрились стрелять так, что ядра или не долетали или перелетали через русских: «Армяне лестно и худо бяху и не улучаху, аки неумеючи, и ядра через все перепущаху или не допущаху, едва кого убиваху».

К давним временам восходят также русско-армянские культурные связи.

Жития Григория Просветителя и девы Рипсимэ были переведены и известны еще в Киевской Руси, а одно из лучших произведений русской средневековой литературы — «Житие Бориса и Глеба» — было переведено в XIII веке и включено в армянские «Четы-Минеи».

Армянские рукописи более поздних времен полны многочисленных упоминаний о России и переводов русских книг. Особенно много становится их в XVII—XIX веках, когда армянский народ уже прочно связывал с Россией надежду на освобождение от иноземного ига.

Начиная с половины XVIII века живущие в России армяне издают первые армяно-русские и русско-армянские словари, книги по истории Армении, переводы русских стихов и прозы.

Издают они так же свои первые газеты и журналы, открывают школы, а в 1815 году — знаменитый Лазаревский институт в Москве.

В свою очередь, в русских книгах и в печати появляются сведения об Армении и армянах, научные и исторические труды, переводы на русский язык армянской литературы, посвященные Армении стихи.

Вот несколько примеров из первых сведений, появившихся в русских книгах об Армении: «Сия земля веселая, воздух в ней хороший, здоровый и умеренный. Евфрат наводняет нивы. В ней собираются плоды, виноград, шелк и проч. Однако очень мало хлеба...» («Дорожная география», 1765 г.).

Впоследствии в переведенной на русский язык с французского книге «Любопытные извлечения из древней истории о Азии» читаем: «Армения была славнейшею академиею Азии в продолжение более тысячи лет, т. е. от рожд. Христова с 440 года по взятие Константинополя, в 1455 году... Были столетия, каковы суть: 9-ое, 10-ое, 11-ое, 12-ое, в кои Армения могла преподавать уроки большей части народов на земле; и видно, что через все те времена были в ней люди, отличившиеся во всех родах учености: богословы, витии во священстве, стихотворцы, переводчики весьма искусные, и люди, сведущие в языках: греческом, сирийском, арабском, персидском и латинском... Армения, быв единожды открыта, отверзает нам врата Востока и взору нашему представляет сокровища, свыше всякого чаяния нашего».

...Великий Петр, преобразуя Россию, притягивал к себе прогрессивные, талантливые, созидательные силы. Преследуемый персами и турками трудолюбивый народ не мог не привлечь его внимания, и он сделал все, чтобы как можно больше армян — строителей, ремесленников, грамотеев и умельцев — переселилось в Россию. «Армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда», — писал он в Указе от 2 марта 1711 года.

В другом указе, обращаясь к генералу Кропотову, Петр Великий пишет: «Учини им редкое вспоможение... понеже мы оный армянский народ в особливу нашу императорскую милость и протекцию приняли...»

Он дал армянам всяческие льготы, и не случайно при нем и после него в Россию переселилось свыше полумиллиона армян, осевших сначала в Петербурге, Москве, а потом и в основанных в России армянских городах Новой Нахичевани, Григориуполисе, Армавире и других.

Тяга преследуемых магометанскими государствами армян к «христианской России» и вера в нее проходит через всю историю нашего народа от XII века до наших дней. Выразительную картину этой приверженности и веры, которые не были поколеблены даже в самые трагические моменты нашей истории, вопреки тяжелым разочарованиям, дал один из претерпевших ужасы 1915 года армянский писатель Ваге Айк в своем рассказе «Дядя должен приехать».

Старый армянин-ремесленник Азар Ахпар при каждом случае грабежа и бесчинств турецких притеснителей утешает и обнадеживает односельчан тем, что скоро приедет Дядя — т. е. русский — и спасет своих единоверцев-армян от рук антихриста... Есть даже слухи, рассказывает он, что русский царь собирается выдать свою самую красивую и умную дочь за молодого армянского князя, чтобы тот снова воцарился на армянском престоле и возродил свою разрушенную и разграбленную страну...

Честный и простодушный Азар Ахпар, простой армянский труженик, еще не умел отличать русский народ от русского самодержавия, русского труженика — от царского дяди-чиновника... Не умел — несмотря на то, что армянский народ предостерегали от подобной ошибки еще сосланные в 1825 году на Кавказ декабристы, а потом и великий Герцен.

Сейчас-то уж всем известно, что дяди бывают разные, и рядом с «дядей» — декабристом, освобождавшим Армению, был и «дядя» Паскевич, рядом с другом Налбандяна Чернышевским — «дядя», судивший их обоих... Ведь еще вчера, в годы первой мировой войны, в трагические для армян дни, когда наиболее светлые умы России от Ленина и Кирова до Горького и Брюсова протягивали нам руку

помощи, реакционный царский генерал, впоследствии враг революции Юденич втайне вынашивал план создания на исконных землях умирающих армян «Евфратского казачества».

Бескорыстная, идущая из глубы веков любовь к русским часто выражалась в военном или государственном договоре о союзе и помощи, как это было, например, при Давид-Беке и как бывало в дальнейшем, вплоть до освобождения Восточной Армении от персидского ига.

Хачатур Абовян был одним из первых, придавших вековой тяге армянского народа к России форму сознательной политической ориентации, которой с тех пор неизменно придерживался наш народ. Вскоре после освобождения Еревана от персидского ига Абовян уехал в Эчмиадзин, в резиденцию католикоса, в качестве секретаря-писаря. Там, в монастыре, он познакомился с профессором Дерптского университета Фридрихом Парротом, с которым вскоре совершил восхождение на вершину Арарата.

Трудным был подъем на Арарат в условиях того времени, но еще страшнее был... спуск. Молодой священник подвергся преследованиям и проклятиям за то, что дерзнул подняться на священную библейскую гору, к остаткам «Ноева ковчега». Он стал бы жертвой слепого фанатизма, если бы ему не удалось вскоре уехать в Дерптский университет. После окончания университета, отказавшись от ожидавшей его блестящей карьеры, Абовян поклялся служить своему народу и, полный светлых надежд и планов, вернулся на родину.

Здесь он с самого начала столкнулся с мракобесием клерикалов. «Ты хочешь мне приказывать, вероотступник? Ты можешь лишь смутить души невинных, а учить их не твое дело» — так ответил на желание Абовяна открыть школу для армянских детей один из самых реакционных католиков, Ованес Карбеци.

Впоследствии к преследованиям «местных» мракобесов прибавились гонения царских чиновников-ассимиляторов, жертвой которых стал Абовян на сорок четвертом году жизни.

Ранним утром 2 апреля 1848 года он вышел из своей ереванской квартиры при школе — и больше никто никогда не видел его...

Взошел ли он на Арарат, чтобы найти вечный покой в его чистых снегах, утопили его в реке Раздан или, как рассказывает легенда, в «черной карете увезли в Сибирь»... — Кто знает!

Думаю, что последнее наиболее вероятно, и когда-нибудь следы его обнаружатся во глубине сибирских просторов...

Факт остается фактом — Абовян исчез, не оставив даже могилы, и камнеобильная Армения в который уж раз не смогла поставить надгробие одному из любимейших своих сыновей...

Если точно известно, что Абовян родился, то никто не может доказать, что он умер... Завидная судьба бессмертных, чья жизнь не

вмещается между датами рождения и смерти, между колыбелью и могилой...

Хотя Абовян видел и воспевал лишь одну, «цельную» Россию, он инстинктивно чувствовал, что есть в ней и Пушкин, которого он обожал, и Фаддей Булгарин, которого он прозвал мракобесом во время одной ссоры в Дерпте.

Младший соратник Абовяна Микаэл Налбандян оказался более счастлив, если вообще уместно применять это слово в отношении армянского писателя прошлого, особенно писателя талантливого и принципиального. Он рано понял, и не инстинктивно, а вполне сознательно, что есть две России — Россия Чернышевского и Герцена и Россия царских сатрапов.

Своими страстными и пламенными книгами, выходящим в Москве журналом «Юсисапайл» («Северное сияние») и революционной деятельностью бок о бок с Герценом, Чернышевским и Огаревым в России, а потом в Лондоне Налбандян боролся против самодержавия за свободу и равноправие народов, за будущее всего человечества.

Вместе с Чернышевским томился он в Петропавловской крепости (их камеры были рядом) и умер в ссылке в городе Камышине тридцати семи лет от роду.

Налбандян — первый революционный деятель в нашей новой литературе, первый истинный поэт-трибун:

Молчи же, лира, больше не звени,
Возьми ее обратно, Аполлон.
Отдай тому, кто может жить незряч,
Любовью милой навсегда пленен.
А я пойду на площадь, на простор,
Без лиры, без нарядных, пышных слов,
Мне должно бушевать, негодовать,
К сраженью с тьмой я должен быть готов.
Не лира черная теперь нужна,—
В руке бойца неотвратимый меч.
Огонь и кровь на голову врага! —
Вот жизни смысл, вот боевая речь...

Налбандян был революционером, ученым и писателем широкого диапазона.

В своих стихах, прозе, в страстных публицистических статьях и книгах Налбандян затрагивал наиболее важные и принципиальные вопросы своего времени — от социально-политических проблем до вопросов национально-освободительного движения, от отмены крепостного права до выявления хищнической сути зарождающегося капитализма, от движения Гарибальди до философии Гегеля, от яростной борьбы против клерикалов до защиты реалистического романа Перча Прошьяна «Сос и Вардитер».

Какое серьезное значение придавало самодержавие личности и общественно-политической деятельности Микаэла Налбандяна, видно из того факта, что приказ об аресте Налбандяна был дан самим Александром II, который «успокоился», лишь лично ознакомившись с рапортом коменданта Петропавловской крепости Сорокина от 27 июля 1862 года о том, что «нахичеванский житель Михаил Налбандов сего числа в С. Петербургской крепости принят и зачислен в доме Алексеевского рavelина в покой № 8...»

Насколько ярой была ненависть к Налбандяну со стороны самодержца, царских жандармов, чиновников и реакционных армянских клерикалов, настолько горячо и страстно любили его все честные и передовые люди того времени — начиная от армянского студенчества и русских революционеров до вольной русской прессы в Лондоне. Ведь честный и принципиальный человек, в особенности человек активный, борющийся, помимо своей воли становится как бы лакмусовой бумажкой, пробным камнем, и по отношению к нему можно безошибочно определить, «кто есть кто»...

Вот как относились к Налбандяну Герцен и Огарев, как рекомендовали его Н. А. Серно-Соловьевичу в письме от 24 июля 1862 года: Налбандян — «золотая душа, преданная бескорыстно, преданная наивно до святости... Поклонитесь ему — это преблагороднейший человек. Скажите ему, что мы помним и любим его».

А Бакунин — неистовый Бакунин, который будто весь был лишь яростью и фанатизмом, пишет своей жене: «Познакомься ты хорошенько с Налбандовым, приласкай его. Он золотой человек — весь душа и весь — преданность. Ты, я думаю, полюбишь его с первого раза».

Но каким бы добрым, обаятельным, подчас даже стеснительным ни был Налбандян в среде друзей, он становился твердым и непоколебимым, когда дело касалось принципиальных вопросов, вопросов освобождения народа и прогресса.

«Если благоприятно не проявить благоразумие и не объявить крепостного совершенно свободным вместе с землей, и таким образом не распутать гордиев узел, то крепостной сам разрешит дело, разрубив узел топором...» — так ратовал он за свободу крестьянства в своей знаменитой книге «Земледеле как верный путь».

А в заметках «Гегель и его время» Налбандян с нескрываемой иронией пишет: «Существенное достоинство человека заключается в безграничной свободе его мысли. Если и она будет подвергаться насилию того или иного авторитета или системы, тем или иным авторитетом или системой, тогда, собственно, в чем же прелесть человеческого достоинства?..»

Даже в те времена, когда большая часть Армении стонала под игом турецких султанов, в постоянном страхе грабежей и погромов и литература наша естественно должна была иметь подчеркнуто

национальную окрашенность, Налбандян, верный своим высоким общечеловеческим идеалам, писал: «До сих пор человек не дошел до того, чтобы без вторичного или официального имени выступать лишь под естественным именем человека. До сих пор нет на свете человека, есть лишь нации...» И далее: «Когда человек, появляясь среди того или иного народа, не называет себя именем «человек», когда он называет себя англичанином, немцем и пр., и пр., и пр., нам остается лишь принять это явление как реальность».

Эти строки написаны в девятнадцатом веке, однако кажется, будто звучат они не из прошлого, а из-за светлых горизонтов далекого будущего...

Несмотря на полную тяжких мучений короткую жизнь, мы назвали Налбандяна счастливым — и имели на это право. Не высшее ли счастье для человека честного и принципиального страдать и погибнуть во имя своих убеждений...

А Налбандян сознательно был готов и к страданию, и к смерти, готов давно, с тех самых пор, как в знаменитых «Двух строках» поведал миру свое кредо: «Мы добровольно посвятили себя защите прав простого народа... Защищать нещадно попираемые права... вот подлинный смысл и цель нашей жизни. И чтобы достигнуть этой цели, мы не остановимся ни перед тюрьмой, ни перед ссылкой и будем служить ей не только словом и пером, но и оружием и кровью, если когда-нибудь удостоимся взять в руки оружие и освятить своей кровью проповедуемую нами доселе свободу»...

Величайшим армянским поэтом нового времени, несомненно, является Ованес Туманян. Туманян — поэт-классик в истинном смысле этого слова, понятный взрослому и ребенку, крестьянину и интеллигенту, лирику и физику.

Определение «гениальный», означающее для писателя высшую степень таланта, по всей вероятности представляет все же частный случай, факт гениального осмысления и отражения какого-либо материала.

О Туманяне мало сказать — гениальный, он велик, велик и необходим, как хлеб насущный.

Его стихи и поэмы, рассказы и статьи, басни и мудрые обработки фольклора сопровождают армян с раннего детства до глубокой старости. Читательская жизнь их начинается с «Пса и кога», завершаясь «Четверостишиями», «Прощанием Сириуса» и «Панихидой»...

Туманян пишет так, словно пишет не он сам, а ущелья и горы Армении, ее прошлое и настоящее, армянское горе и светлая вера в будущее...

Роль и значение Туманяна в армянской литературе можно понять, лишь сравнив их с ролью и значением Пушкина в литературе русской, хотя волею судеб Туманян стал современником Александра Блока, опоздав почти на жизнь одного поколения...

Вот характерное для Туманяна стихотворение «В армянских горах», в котором выражены вся суть и смысл армянской истории:

Нелегко был путь, полночный наш путь...
Но выжили мы
Средь горя и тьмы;
Веками идем, чтоб в выси взглянуть
В армянских горах,
В тяжелых горах!

Сокровище дум издревле несем,—
Что море, оно
Душой рождено,
Народной душой в пути вековым,
В армянских горах,
В высоких горах.

Из желтых пустынь кидались на нас
Орда за ордой,
Разили бедой,
Весь наш караван терзая не раз
В армянских горах,
В кровавых горах.

Ограблен, разбит был наш караван...
Разрознен среди скал,
Дорогу искал,
Считая рубцы бесчисленных ран,
В армянских горах,
В печальных горах.

И наши глаза взирают с тоской
На сумрак земли,
На звезды вдали:
Ну, скоро ли утро вспыхнет зарей
В армянских горах,
В зеленых горах?!

Соратник и ровесник Туманяна, Аветик Исаакян — сложная поэтическая натура, вместившая в себя не только «армянское горе», но и «мировую скорбь», печаль и гнев человечества, которые поэт страстно выразил в своей знаменитой, переведенной на многие языки мира поэме «Абул Ала Маари».

Каждая из семи глав — сур этой поэмы является глубоко прочувствованным страстным и яростным «НЕТ!», брошенным поэтом

в лицо ненавистному миру несправедливости, они обращены к оскверненному этим миром человеку и другу, женщине и любви, семье и обществу, закону и порядку, религии и родине...

Сын армянского крестьянина, Исаакян исколесил весь мир, учился в России, Германии, Швейцарии, долго жил во Франции и Италии...

Исаакян был знаком со всеми религиями и учениями народов — от Будды и Конфуция до Христа, от Лао-Цзы, Ницше и Шопенгауэра до марксизма, выражая в своих прозрачных, почти крестьянских песнях весь этот сложный сплав человеческих мыслей и чувств. Родившись при свете лучины, он сомкнул свои усталые веки под радиосигналы космических ракет...

Поэзией Исаакяна, особенно его «Песнями изгнанника», стихами о любви и природе восхищались многие выдающиеся поэты XX века, а Александр Блок, еще в 1915 году переводивший его на русский язык, назвал Исаакяна одним из крупнейших поэтов Европы начала века.

Стихи Исаакяна так укоренились в народе, что почти все они поются, причем мелодии большинства из этих песен созданы неизвестными авторами — крестьянами и ремесленниками...

Исаакян — мастер мудрых лирических миниатюр, они близки народу и всегда у него на устах:

Где он лежит,
Тот камень простой,
Что станет моей
Могильной плитой?

Быть может, не раз
На пути моем
Я в скорбном раздумье
Сидел на нем...

А маленькое, написанное в Равенне стихотворение Исаакяна об Арарате, наверно, лучшее из посвященных этой вечной горе стихов:

На глухой вершине Арарата
На мгновенье век остановился —
И ушел...

Острый меч сверкающей зарницы
Об алмазы яркие разбился —
И ушел...

Взор гонимых смертью поколений
Соскользнул по гребню исполина —
И ушел...

Наступил черед твой на мгновенье,
Чтоб и ты взглянул на ту вершину,—
И ушел...

...«Уйдем» и мы — к Даниэлу Варужану и Сиаманто. Выдающиеся поэты Западной Армении начала века, оба они были зверски убиты турецкими погромщиками в 1915 году.

Удивительный поэт Варужан, один из крупнейших наших поэтов, пожалуй,— самый «поэт из поэтов» не только своим поистине прекрасным искусством, но и удивительно гармоничным многообразием.

О чем только не писал он — начиная от юношеского «Трепета» до трагического «Сердца народа», до мужественных «Рабочих песен», до шедевра армянской поэзии, который мог бы потягаться с лучшими творениями поэзии мировой,— великолепных «Языческих песен», до поэмы «Наложница» и прозрачной крестьянской «Песни хлеба»...

О чем бы ни писал истинный поэт — даже если это сугубо личные ощущения или явления неприметные и несущественные,— это всегда интересно, потому что его «я» настолько глубоко, что вмещает в себя весь мир.

Об этом очень метко сказал русский поэт Батюшков: «Почему мы Кантемира читаем с удовольствием? Потому что он пишет о себе. Почему мы Шаликова читаем с неудовольствием? Потому что он пишет о себе».

То есть нам интересно самовыражение истинного поэта, который не может не быть также настоящим человеком и гражданином.

...История духовной жизни нашего народа с самого начала была историей преклонения перед светом — культом света, мудрости, благородства, добра...

«Радостный свет», «Светлое утро» — эти песни пели мы из века в век... «С добрым светом» (здравствуй), «свет глазам твоим» (поздравляю) — говорим мы друг другу каждый день. «Отправлюсь к роднику света» — продолжает эту проторенную народом вечную тропу Даниэл Варужан...

Однако дух тьмы вновь с неистовой яростью набросился на наш идущий к истокам света народ:

Там жизнь убивают в поле,
И мысль убивают в мозгу...

И Варужан, который был рожден для света, прекрасного, воспел свой «преданный веками, но избранный вечностью» народ, его раны и непреклонность, осудил новых палачей света — и стал их жертвой тридцати лет от роду... Наделенный ярким воображением, он не мог представить себе лишь одного: что его, как и его собрата по перу

Сиаманто, воспевавшего в стихах человека-бога, может убить в пустынном ущелье варвар с налитыми кровью глазами, раздробив камнями его светлую голову...

Тело Варужана, будь оно найдено, могло быть оплакано словами его стихов:

В эту праздничную ночь

Подлей, сноха, масла в лампаду.

Сын мой возвращается с победой —

Подправь, сноха, фитиль.

Перед дверью, у колодца, стала арба —
Засвети, сноха, огонь.
Войдет мой сын, увенчан лаврами,—
Вынеси, сноха, свет к порогу.
Но на арбе — лишь кровь да печаль...
Сноха, придвинь сюда свет...
Там мой храбрый сын с пробитым сердцем —
Ох, сноха, погаси огонь!..

Сиаманто, старший собрат Варужана по перу, с детства видел лишь погромы, грабежи и притеснения и поневоле стал певцом ужасов и смерти.

Ему было шестнадцать лет, когда в 1895—1896 гг. началась армянская резня в Константинополе и провинциях.

Для юноши его возраста естественно было бы видеть в жизни лишь щедрые краски природы, весну, любовь, мечту...

Однако Сиаманто вместо этого видел лишь погромы и пожары и из всех существующих на свете цветов — лишь цвет крови...

Поэты часто помечают свои лирические стихи тремя звездочками. Для Сиаманто этими звездочками стали три слова, вернее трижды повторенное одно слово — «резня, резня, резня»...

Он, пришедший в мир для нежной сельской свирели, стал летописцем страдания и ужаса или, как он сам сказал о себе, «бедным юношей, отданным в зарок всеожжению»...

Если в течение веков армянские поэты в изгнании тосковали о доме, то для Сиаманто дома этого уже не существовало, он был разрушен, и пределом мечты поэта было — удостоиться в смертный час хоть горсти пепла с родного пепелища.

Сиаманто погиб с горьким сознанием того, что «заря справедливости» еще безнадежно далека, и гневно бросил в лицо равнодушному миру:

О, праведность людская,
Дай заклеить плевком твой лоб!

Однако чутким слухом поэта он уже уловил доносящиеся до его родины и народа «красные вести», глашатаями которых стали Ваан Терьян и Егише Чаренц...

Нет более трудного и почетного дела, нежели быть армянским писателем, представителем литературы, имеющей столь богатые традиции. Трудно, потому что надо не только состязаться с тем лучшим, что пришло из веков, не только быть достойным его, но и к имеющимся сокровищам добавить хоть одно новое слово, одну собственную строку. Что могли прибавить несколько десятилетий нашей новой жизни к насчитывающей десятки веков сокровищнице армянской культуры? Однако наша современная литература не только сказала новое, свое собственное слово; она создала такие образцы советской классики, которые заняли прочное место рядом с сокровищами прошлого. Среди сказавших это новое слово был поэт Ваан Терьян — один из самых тонких армянских поэтов XX века.

Его поэзия, путь его жизни были похожи на усыпанную печальными осенними листьями аллею, которая, однако, привела его... в Смольный, к Ленину, к прославлению знамени Октября.

«Отчего не умер молодым я?» — писал Терьян за год до смерти, в 1919 году, когда ему было всего 34 года...

Уж в чем другом, а в этом отношении судьба была «щедр» к армянским поэтам: Терьян умер в 35, Мисак Медаренц — в 22 года, а гениальный Петрос Дурьян прожил всего 20 лет...

Восточноармянская поэзия до Ваана Терьяна восходит своими истоками в основном к деревне. Как уже было сказано, материалом книги, ее героем, а иногда и автором был крестьянин, и это не могло не наложить отпечатка на литературу.

Терьян одним из первых воспел город, его тротуары и ночные фонари, студента и бродягу, мысли и чувства городского интеллигента, его любовь и смятение новыми поэтическими формами и средствами. В отличие от многих его предшественников Терьян не столько проповедовал, сколько исповедовался, не столько описывал и рассказывал, сколь доверительно раскрывал сердце, не столь создавал поражающие воображение образы и строки, сколь определенное душевное состояние и настроение, не столь обязывал читателя прислушиваться, сколь мягко овладевал им, отдаваясь его власти. Мало написал Терьян, но так, что почти нет необходимости собирать «избранное» из его произведений, — все они избранны, начиная от «Грез сумерек» до трагически-оптимистического цикла «Страна Наири». На протяжении нашей многострадальной истории при каждой новой войне, каждой новой беде поэты тревожно вопрошали: неужели это конец? Этот роковой, неизбежный для армянских писателей прошлого вопрос задал и Ваан Терьян:

Ужель поэт последний я,
Певец последний в нашем мире?

Через два года после того, как Терьян задал этот вопрос, произошла трагедия 1915 года... Однако Терьян, твердо веруя в чудо возрождения армянского народа, сам ответил на свой вопрос в другом стихотворении:

Как снега не однажды наш гордый видал Арарат,
Так не новы для нас испытанья и горечь утрат.
Был в далеких веках нашим лютым врагом Вавилон,
Он исчез без следа,— как туман, улетучился он.
Нам грозила Ассирия, шли, точно буря, войска,
В прах смело ее время, засыпали груды песка...
...Пирамиды Египта падут, превратятся во прах,
Но, как солнце, страна моя, ты воссияешь в веках!
...Много варваров темных придет и уйдет без следа,
Наше слово бессмертно, не смолкнет оно никогда.

Обладая волшебным мастерством и обаянием, основав подлинную литературную школу, Ваан Терьян в последние годы своей жизни уже не довольствовался достигнутым и, стремясь выразить принесенное революцией новое дыхание, сменил созданный им благозвучный и гармоничный стих на имеющие вольный размер и разговорную интонацию строки, для него совершенно новые:

Знамя свободы,
Пою я тебя!
Снова воскресла
Душа-сирота.
Как буревестник
Ликует, любя,
И торжествует.

Это уже было то новое, что после него должен был сделать Егише Чаренц, и не случайно именно из рук Терьяна принял Чаренц вечно пылающий факел нашей поэзии.

Егише Чаренц...

Это золотой мост, соединяющий нашу классическую поэзию с поэзией возрожденной Армении, поэт, вобравший в себя все лучшее из армянской многовековой поэзии, создавший в то же время лучшее в нашей новой поэзии.

Чаренц не был просто поэтом, его поэзия была главной магистралью нашей поэзии, и книги его, по названию одной из них,— е «книгой пути».

Подобно новому Буало, он оставил нам свою «Ars poetica», открыв

путь для идущих вслед за ним поэтов, дав им в руки золотой ключ ко многим и многим темам будущего...

Творчество Чаренца — это биография нашей страны, начиная от порожденной геноцидом и войной «Дантовой легенды» и буреподобных «Неистовых толп» и «Сома» до гениального поэмообразного романа «Страна Наири», до «Всепоэмы», до знаменующего начало советской классической поэзии «Эпического рассвета», до его последней «Книги пути», в которой выкристаллизовалась вся суть истории нашего народа.

Чаренц был великим прозорливцем... Кто бы еще мог в 1918 году, воспевая борющиеся за революцию нагие и разутые «неистовые толпы», как бы предугадать радиосигналы сегодняшних ракет и космических кораблей:

В их мышцах — мощь сырой земли,
она дала им столько сил,
Им стоит только пожелать —
изменяться пути светил,
Им стоит только пожелать —
и столько совершат чудес:
Взметнут планеты в небеса,
иль солнце уберут с небес!

Боец и гражданин, Чаренц не только восторженно воспевал все лучшее в своем времени и веке, но и яростно боролся со всем дурным, вероломным, подлым, фальшивым — будь то «красный филистер», политический демагог или спущавшаяся опасность культа личности.

Честной и безжалостной была его борьба во имя ядра — против шелухи, во имя идеи — против шаблона, во имя смысла — против стершихся слов, во имя написанных собственной кровью строк — против дешевых чернил...

Чаренц, великий поэт революции, оставил нам священный завет честности и принципиальности поэта и гражданина не только своим творчеством, но и деятельностью, не только словом, но и делом, не только жизнью, но и своей смертью. Своей готовностью погибнуть одному — за всех, во имя народа и его светлого будущего.

Эту готовность он выразил в замечательном стихотворении «Видение смерти» еще в 1920 году, когда в Александрополе виселицы турецких палачей угрожали всей Армении, когда была брошена на чашу весов судьба народа:

...Как мрачное судьбы моей прозренье,
Как обещанье, что нарушил я,
Двух этих досок гордое скрещенье
Ждут жертву, чтоб помочь уйти из бытия.

...Теперь пойду. С наирскою мечтою,
С любовью в сердце, с пламенем певца,
Хоть этой чести, может быть, не стою,—
Пойду свой долг исполнить до конца.
Со мной сквозь сумерки пойдет печаль моя,
И, горло захлестнув петлею в час полночный,
Покачиваться тихо буду я,—
Трагический и непорочный...
Да не востребована будет ни одна
Отныне жертва,— я за всех ответил.
В глазах повешенного пусть моя страна
Узрит грядущий день — он будет чист и светел.
Глаза, вываливаясь из орбит,
Грядущему пусть улыбнутся веку,
И виселица пусть отныне не грозит
Ни одному на свете человеку.

Всего сорок лет было Чаренцу, великому поэту народа и революции, когда враги того же народа и революции... ускорили наступление его бессмертия — он мог еще так много сказать нам, превратили его в бронзу и мрамор — когда еще так горяча была его кровь...

«Ушел, сравнялся с тысячелетними мертвецами», — со скорбью говорят о покойном его родные и близкие.

«Ушел, сравнялся с тысячелетними бессмертными», — можно с гордостью сказать о Чаренце, который встал теперь рядом с Нарекаци и Кучаком, Туманяном и Терьяном...

Сравнился? Нет. Как здесь, так и там, среди бессмертных, он занял свое собственное, только ему принадлежащее место.

...Возрожденная Армения не могла не сказать миру свое новое слово, не создать несущих это слово миру трубадуров — Терьяна и Чаренца. Это новое слово сказал и Аветик Исаакян — откликнувшись на зов своей возрожденной земли, он в 1936 году вернулся на родину и к прежним замечательным творениям прибавил такие вещи, как «Мгер из Сасуна», «Бранный клич» и «Бингёл».

Это новое слово сказал талантливейший Дереник Демирчян — заслуги его исторического романа «Вардананк» во время Отечественной войны несомненны...

Увы, смерть помешала замечательному мастеру воссоздать через шестнадцать веков образ Месропа Маштоца.

Это новое слово сказал Стефан Зорьян, впервые изобразив армянскую девушку-революционерку, показав «Белый город» возрожденной Армении, создав исторические романы «Царь Пап» и «Армянская крепость».

Это новое слово сказал Аксель Бакунц, силой своего волшебного дарования ожививший затерянное в горах «Темное ущелье». Ему не

привелось закончить свой роман «Хачатур Абовян» — один из лучших в советской армянской литературе.

Это новое слово сказал и Наири Зарьян своим страстным «Голосом родины» и бессмертным «Ара Прекрасным»; певец природы и материнской любви Ованес Шираз своим «Библейским»; мой безвременно скончавшийся друг и собрат Паруйр Севак своей «Несмолкаемой колокольней» и самобытными стихами. Наконец, это новое слово говорят те поэты не только по званию, но по призванию, чей голос, голос новой Армении, давно уже вышел за ее пределы...

Пусть звучит голос армянских писателей на земле других народов, и пусть слово других писателей звучит на нашем родном языке на нашей земле — ибо нет ничего возвышеннее и прекраснее братания слова со словом, народа с народом.

Геворг ЭМИН

**«РУКА МОЯ УИДЕТ,
А ПИСЬМЕНА ОСТАНУТСЯ...»**

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор
Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 16.09.86. Подписано к печати 3.12.86. А 00770. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 2,96. Усл. кр.-отт. 2,28. Тираж 80 000 экз. Изд. № 3156. Заказ № 3767. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ЛОТЕРЕЯ БЕЗ ТИРАЖЕЙ

Автомобили «Волга», «Жигули», «Запорожец» и денежные суммы до 5.000 рублей разыгрываются в спортивной денежно-вещевой лотерее «Спринт»

Результат игры вы узнаете мгновенно. Размеры денежных и наименования вещевых выигрышей указаны на запечатанных в конверты билетах.

Билеты лотереи «Спринт» выпускаются сериями по два миллиона штук в каждой.

В серии со стоимостью одного билета 50 копеек разыгрываются 400.072 выигрыша. В их числе: 8 вещевых выигрышей — по два автомобиля «Волга ГАЗ-24-10», «Жигули ВАЗ-2105», «Жигули ВАЗ-21013», «Запорожец 968-М» и 400.064 денежных выигрыша от 50 копеек до 1.000 рублей.

В серии со стоимостью одного билета 1 рубль разыгрываются 400.078 выигрышей. В их числе: 16 вещевых выигрышей — по четыре автомобиля «Волга ГАЗ-24-10», «Жигули ВАЗ-2105», «Жигули ВАЗ-21013», «Запорожец 968-М» и 400.062 денежных выигрыша от 1 до 5.000 рублей.

Доходы лотереи «Спринт» направляются на развитие физической культуры и спорта.

Общий выигрыш всех участников лотереи — новые спортивные сооружения, возможность систематически заниматься физкультурой и спортом, укреплять свое здоровье.

**Главное управление спортивных лотерей
Госкомспорта СССР.**